

КРОКОДИЛ



Рис. К. Ротова.

1. Китайская ваза в европейском вкусе

2. Она же — в китайском вкусе

Правительство Аргентины заявило, что оно не признало до сих пор СССР только потому, что СССР об этом не просил. (Из газет).

Рис. Ив. Малютина.



АРГЕНТИНЕЦ: — Что же вы не просите, чтобы мы вас признали?

ЧИЧЕРИН: — Ну, что же, это можно! Сегодня что у нас? — Июль? Ага! Зайдите как-нибудь в конце августа или, лучше, в начале Октября.

ВОЛК В ЛИБЕРАЛАХ.

Комиссия по контролю над продажей оружия высказалась против газовой войны.

Средь мелкого зверья бывают либералы. Вот как-то раз сошлись, чтоб осчастливить лес, Те либералы на конгресс: — Довольно,—говорят,—наскучили скандалы!.. От жалоб мелюзги давно прохода нет: То волк их в завтрак ест, то волк их ест в обед. Конечно, волк—есть волк, все-ж волки слишком грубы!.. Им нужно предписать в архив отправить... зубы, И таковым вперед потачки не давать...» — Да, да!—вскричал конгресс.—А волк ответил с весом: — «Я слишком либерал, чтоб в спор вступать с конгрессом, И зайцам от зубов готов свободу дать, Пока... не захотелось жрать!..»

Итак, товарищи, газы отменены, Пока... не началась войны...

М. Андр.

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ.

(Рассказ фабзавкомца).

Существует, как известно, такого рода лозунг: оживление избывших проф'ячек и, кроме того, выдвиженчество. Ну, хорошо... В соответствии с лозунгом произвели у нас перевыборы завкома с отводом меня, как засидевшегося, а на мое место, в секретари,—Агафонова, низового из ленинцев.

Ну, превосходно. При теперешнем курсе на демократию я, конечно, не протестую: воля трудящих, так воля трудящих. «Но только,—говорю,— вот что, ребята: давайте послеживайте! Работник,—говорю,— малоопытный, в смысле линии профработы у него нуль понятия, а кроме того существует, как известно, такого рода язва на теле: растраты союзных денег. Одним словом, без призора нельзя!»

Ну, конечно, отнеслись все единогласно и с сочувствием. Люди мы трудящие, копеечка у нас на счету, и очень даже нам небезинтересно знать, куда идут кровные наши членские взносы. А Агафонов, надо сказать, с первых же ден выказал мне себя в подозрительном

смысле. С личности скромный какой-то, в обращении не переменялся, и не похоже даже, что выдвинули человека: уж одно это приходится на ус намотать! Кроме того, на работе засиживается сверх времени и, вообще, перестарывается. Словом, дело-то ясное: без интересу не станет же человек себя так вести?

— «Вот что, ребятки,—говорю,— глядеть надоть в оба. Другой бы на честолюбивом оказательстве мог прорваться: сейчас бы себе новый пиджак без кредита, на извозчиках ездить бы стал... А этот, сволочь, так сразу себя не окажет. Тут глаз нужен да глаз!»

Ну, ладно. Стали следить. В первое в подозрение взяли, конечно, спиртную часть: как он в смысле невоздержания?... Но нет: оказалось,— не кушает, ни одного такого не было замечания. Тогда уж на хитрость пустились ребята: «Сам, мол, не льешь, то хоть приятелей угости, как ты теперь при деньгах!» Но что же он и на это? Заявляет нахально, что ни при каких он ни при деньгах, потому что два дня до полочки осталось, и при семейном положении к такому сроку звона в карманах не бывает. Так, ни с чем, от него и отехали...

Ну, хорошо. Разузнали про семейные обстоятельства: как жена,— наряжается?... Нет,— едва только что не лахудрую ходит, да и не к лицу ей иначе. Ну, может, с левого боку финтифлюшку какую завел на подножном корму?... Ничего подобного прочего: даже и слухов не пущено! В карты играет?... Нет. Фу ты, дьявол, история: на какой же тогда предмет у него наши кровные денежки плакали?... Не на бнижку же он их кладет, чтоб потом влопаться с этой книжкой!..

Ну, словом, заценила нас эта загадка прямо за живую го-видину: места себе не находим. «Что ж это,—думаем,—за склизкого чорта такого мы в растратчики выбрали?». Тратишь,—ну, трать, но хоть чтоб видели мы, куда наша трудовая копейка плывет! За свои-то за деньги имеем мы право проявить любознательность?..

И договорились тут некоторые наши ребята до того, чтоб срочно потребовать составления акта ревизионной комиссии. Ну, я, конечно, как собаку с'евши в этих делах, отговорил. «Это,—говорю,— ему только масла в растратный огонь, потому что окончательно обнаглет! Разве ж,—говорю,—наши ревизионные комиссии понимают в хитросплетениях? Слава те, господи, сам два года в завкоме сидел,— и ни разу от ревизионной комиссии никаких неприятностей... Тут,—говорю,—надо не комиссией быть, которая как слепой в тесте, а нужен тут Шерлок-Холмс или красный Нат Пинвертон!».

Ну, пречудесно. За свое последнее слово сам же я и схватился. «Иного,—говорю,—выхода нету из создавшего тупика, как пригласить нам уголовного агента из розыска. Пускай раскроет, какая тут роковая тайна! До каких же пор, в самом деле, хлопать нам беспомощными глазами на общественное безобразие?».

Ну, сказано — сделано. Заявили, конечно, в розыск, и был прислан уголовный агент. И что ж бы вы думали? Тайственная загадка, куда девал секретарь наши кровные взносы, была раскрыта с ужасающей скоростью и для всех с неожиданностью. Двух ден не прошло, а на третий приходит к нам агент и объявляет металлическим голосом:

— «Подите вы к чертовой матери!.. Не могли сами-то справиться в союзе. Никаких растрат нет, а все ваши членские взносы до копейки внесены своевременно в союз».

Мы же и в виноватых остались... Но, серьезно-то говоря, кому ж в голову могло такое прийти? Никому в голову не приходило, что возможна настолько простая вещь,—и я первый, конечно, имея опыт, обязан был отнестись к делу со всею вдумчивостью.

Но, главное, что досадно: из-за чего ж страчено столько энергии и всевозможных любопытных догадок? Думали,—на хитрюгу попали и придется нам с ним поволокититься, а тут...

Тьфу!!..

Грамен.

Следующий номер „КРОКОДИЛА“
специальный

„О ХУЛИГАНСТВЕ“.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

Грамен—Европейское хулиганство. М. Андриевская—Гобелены. В. Арлов—Хороший тон. Зубило—Частушки. В. Катаев—Сплошное хулиганство. Вас. Лебедев (Кумач)—Охальник; Его биография. Б. Левин—Обиженный. Л. Митняцкий—Братишка. В. Павлов—Ненаказуемое. Е. Петров—Веселые ребята. М. Пустынин—Благый мат. Полярный—Глум, и др.

В номере свыше сорока многокрасочных и черных рисунков художников: Ю. Ганфа, К. Елисева, Ив. Малютина, К. Ротова, К. Хомзе и др.

КУРОРТНАЯ БАЛЛАДА.

На желтеньком песочке
Сидит—ей-ей—нарком.
Сидит он, облеваем
Приморским ветерком.

Сидит себе меж прочих
Курортников больных,
И с виду—даже кротче
И тише остальных.

Дуй, ветер, полным баллом,
Гони волну на мель!..
Нарком доволен малым...
Но... это—не модель!

Смотри, как он поднялся
И в воду вдруг нырком,
Без всякой волокиты
Проследовал нарком.

И в море уплывает,
Весь брызгами горя,
Без пишущей машинки
И без секретаря.

Берет меня досада,
И чую я беду:
Как—в море без доклада
К наркому я войду?!

Н. Асеев.

Евпатория.

ХАМЕЛЕОН.

(Почти по Чехову).

Быть секретарем провинциальной газеты — дело сложное и мудреное не менее, чем быть... Впрочем, все равно, кем. Мудреное дело — и шабаш!

... В кабинет секретаря губернской газеты «Красный Стиг» лениво вошел заведующий рабочей жизнью и, протянув секретарю какую-то рукопись, вяло сказал:

— Сергей Андреевич. Опять регистраторша передутала и статью в рабочую жизнь сунула. Возьмите.

Не отрывая глаз от стола, секретарь протянул руку и так же вяло спросил:

— Чья? О чем?

— Чья — не знаю. Подпись какая-то неразборчивая. А о чем — все о том же: ругает недостатки нашего аппарата...

Секретарь проснулся:

— Ну, голубчик, довольно с меня! Вчера от секретаря ГИК'а так влетело за эти «недостатки». Будет, не печатаем! Небось какой-нибудь рабкорышка ваш наборзил, а вы мне и суете всякую дрянь! Сами-то не могли выкинуть?

— Да я и хотел-было, а потом остановился: почерк какой-то знакомый. И неразборчивый, и знакомый. Не товарища-ли Дробилы статья?

— Дробилы? Того, что в президиуме губисполкома? Ммм! Собственно, вопрос о наших недостатках — актуальный вопрос! Мало-ли что это не нравится секретарю губисполкома? Мы с сатрапством должны решительно покончить...

Секретарь начал просматривать статью:

— Бойко написано! И цитаты из Ленина, и все! Пожалуй, даже передовой пойдет...

— А я, кажется, ошибся!—медленно заговорил зав. рабочей жизнью: — не Дробилы почерк: у того «б» с закорючкой, а тут «д». Нет, почерк не его!

— Ну, конечно, ерунда написана! Делать рабкорышке нечего, на заводе ничего не увидел и лезет в писатели. Статью! Ему еще и заметки-то рано писать, а он за статьи берется! Выбросьте, и ладно! И еще, что обидно, — всякий беспартийный имеет нахальство Ленина цитировать. Профанация одна... Запретить бы надо!

— Чорт его знает, — как бы вслух размышлял зав. рабочей жизнью: — может быть, и Дробилы статья. Он третьего дня доклад на эту тему делал на собрании актива... И почерк опять же...

— Н-да! Надо признаться, — мысль основная верна в статье...

Секретарь позвонил и попросил к себе машинистку:

— Вера Николаевна, будьте добры, переведите эту штуковину, да поскорее. Товарищ Дробило прислал, — с почерком разберетесь?

Машинистка посмотрела на статью и заявила:

— Это не товарищ Дробило писал! Я его почерк великолепно знаю, он свою стенограмму исправлял, а я потом опять переписывала. Не его почерк...

— Впрочем, не стоит и переписывать, — нервно заявил секретарь: — ерунда на постном масле какая-то... Поместить эту статью — не только от своих попадет, — в центре засмеют! Давайте ее сюда, Вера Николаевна, ну ее к черту, еще возиться с ней. Вы лучше вот, возьмите,—в трех экземплярах...

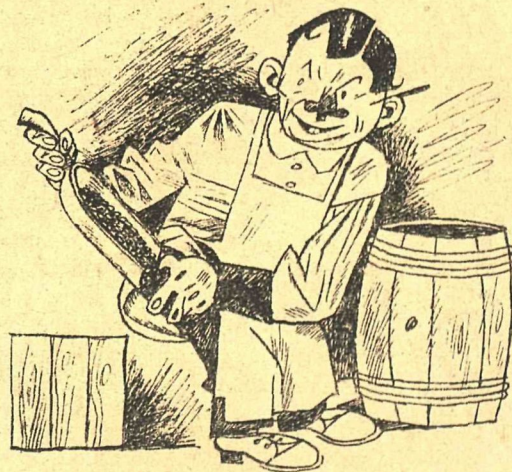
— Это не Дробилы почерк, — продолжала машинистка: я знаю, чей. Это Маклецова почере, того, что в Москве работает сейчас. Он вчера приехал... Я его почерк еще с прошлого года знаю,—вот эти закорючки.

— Товарищ Маклецов приехал? — радостно спросил секретарь: — Николай Иванович? А я и не знал! Перепечатайте срочно статейку, Вера Николаевна, — передовой пойдет. И—попрошу вас впредь, — нельзя ли без таких выработок, как «закорючки». Мы — народ рабочий, руки у нас мозолистые, в университетах чистописание не проходили. Для этого и машинистку держим, чтобы переписать, а не для того, чтобы она фасон давала! Вы лучше исхитрительнее переписывайте, а то опять ошибок наделаете, а статья очень ценная. Каждое слово дорого!

Вл. Павлов.

Рис. Ю. Ганфа.

КООПЕРАТИВНЫЕ УБЫТКИ.



1) Усыпка.



2) Усущка.



3) Утечка.



4) Угробка.

ПЕШЕХОДНАЯ ЛИРИКА.

Ей суждено почти фатально
Встречаться каждый день со мной:
В четыре ровно, по Тверской
Она идет от Триумфальной,
А я шагаю от Страстной.

Ее влечет ко мне бесспорно...
Я тем же ей ответить рад...
Горят призывно наши взоры
И, как стосильные моторы,
Сердца влюбленные стучат.

Но подойти я к ней не в праве,—
Зане, сознательно вполне,
Согласно пешеходных правил,
Она спешит навстречу мне,
Но... по другой лишь стороне!

Георгий Немчинский.

— Если наш зав не возьмет своих слов обратно,—я уйду.

— А что он тебе сказал?

— Сказал, чтобы я убирался на все четыре стороны!

ШКОЛА ПОСЛЕДНЕЙ СТУПЕНИ.

Рис. Ив. Малютина.

В сев. Китае белогвардейцы насильно мобилизуют русских школьников в свои отряды.
(Телеграмма).



— Ребятенки-то очень малы. Учиться бы им еще надо.
— Они и у нас будут учиться; мы им и ранцы уже выдали...

ВИАРЫ В БОК

КОНТР-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕДРАССУДКИ.

Демобилизованный красноармеец А. Кравец был строгого нрава. А беспорядков на Зелено-Тропинских хуторах, Голопристанского района, Херсонского округа — видимо-невидимо. Вот он эти беспорядки и искоренял, как мог.

На этот раз Кравец написал самому херсонскому прокурору жалобу на Матвея Андрейца с требованием наказать его «за контр-революционные предрассудки и проповеди против Доброхима, РККА и СССР». Дело расследовали, и вот, что показал обвиняемый Андрейца:

«Против организации Доброхима никогда не шел и контр-революционных предрассудков не высказывал. Был случай, когда мы собрались в клубе, где я, не помню как, испортил воздух. Меня за это Кравец стал выгонять, называя этот поступок контр-революционным. Больше ничего показать не могу, в чем, как неграмотный, ставлю три креста».

Заключение начальника милиции Голопристанского района:

«Доказать обвинение Кравец не может, не имея свидетелей, но этого случая не отвергает Андрейца. Принимая во внимание, что общегосударственного значения поступок не имеет и контр-революционным его назвать нельзя, дело в порядке 107 ст., направить окрупрокурору на распоряжение».

«Крокодил» сначала не понял, чего это Кравец взъелся на беднягу Андрейца, да потом сообразил. Ведь Кравец-то состоит организатором Доброхима, и не мог же он допустить распространения газет в общественном месте. Теперь все понятно стало. Вот только непонятно: кого такой Кравец сорганизует?

КИШКА ТОНКА.

Задумали бабы деревни Старчихи, Залазинской волости, Бежецкого уезда, против самого на скопом подняться и решили сход собрать, чтоб план обмозговать.

«Пронюхали мужички про наше бабье решение. Когда мы явились на собрание, в нас пустили струю холодной воды из пожарной кишки. Чтобы, значит, не горячились. Так мужик отстаивает свое право быть головой своей жены. Но недолго будет нам диктовать голова, пропитанная самогонным угаром».

Правильно! Молодцы, старчихинские бабы! А если что выйдет не так—телеграмму давайте: «Крокодил» срочно вышлет сотню вил в подмогу.

СЛЕПОЕ ОКО.

В июне 1924 года случился пожар в селе Чулкове, Жердевской вол., Новосильского уезда, Тульской губернии. Сгорели два дома, принадлежащие С. Серегину и Бочарову. Дома были застрахованы, но Губстрах страховки не выдает, так как милиция должна сделать расследование.

«Следствий никаких до сего времени не производилось, выставляя причину — то волости переходили более коллективные, то милиционеру делов очень много, не справляется, а то и обворовали милиционера, все уголовные дела украли».

«Мы видим в каждом учреждении красуется плакат: «Милиция — око». Но как оно работает, это очень слепо такое око, во вред всему организму. Поэтому такому око приходится представить врача-хирурга, чтобы сделать полную операцию или, по крайней мере, надеть очки. Вышлите такого хирурга из своей срединки полечить это око и произвести дознание». Зачем же очки? Обязательно операцию надо сделать. И инструмент подходящий у «Крокодила» есть: самые наиострейшие вилы. Уж в виде исключения «Крокодил» прынет не в бок, а прямо в это самое око слепое.

С МОТИВИРОВКОЙ.

До чего иногда бывают решения суда обоснованы и мотивированы, прямо диву даешься:

«Вещдоказательства 4 рубля царской чеканки, хранящиеся в Проскуровском Окрфинотделе, возратить гр-ке Березовской, как полученные ею за половое сношение».

Что-ж, педантичным деятелям наших судебных органов иногда сношения с «Крокодилем» через крокодров обходятся и дороже.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ.



Тов. А. Б. КАМЕНЕВ.

В № 121 «Диктатуры Труда» (Донбасс) помещен этот портрет. Редакция не подумала, в какое она ужасное положение поставит Льва Борисовича, если он вздумает приехать в Донбасс. Ему или придется гримироваться под этот портрет, или его примут за самозванца...

Нехорошо, товарищи, что и говорить.

ТЯЖЕЛЫЙ ХЛЕБ.

Не легкая работа инспектора. Главное, много знать надо. Даже такие мелочи, — что артисты играют в театрах, а не в банях.

«Архангельская страхкасса командировала инспектора Медникова для производства ревизии в отдел местного хозяйства. Через полтора месяца Медников в акте по коммунальным баням указывает: «Уплачено 740 руб. артисту Трояновскому».

Ничего удивительного. Дорвался человек до бани, вот и запарился.

СЕМЕЙКА.

Многие не любят своих родственников. Зря это. Напрасно. Иногда родственников даже очень надо любить.

«Театр г. Бердянска обслуживают 12 человек членов союза Рабиса. Из них 6 человек Ковалевых: сам председатель Рабиса — Ковалев, жена его — кассирша, сестра с дочерью — в реквизиторской, вторая сестра — в контроле и брат — по оборудованию сцены».

Что и говорить, хорошо быть родственником такого талантливого артиста.

НОВЫЙ АВТОМАТ.

Учительница села Озерно-Кузнецовского, Алтайской губ., сокращена была в августе 1924 года. До сих пор она не может получить денег от УОНО за октябрь 1923 года и май, июнь и июль 1924 года. Каждый раз, когда она приезжает за деньгами, ей говорят: «Приезжайте в следующий раз».

Мы предлагаем тамошних наробразовцев сократить, чтобы стулья без толку не просиживали, и поставить вместо них граммофон, который будет повторять: «Деньги завтра!». На сэкономленные деньги можно будет оплатить счет учительницы.

О СЕЛЬДЯХ И РАБОЧИХ.

В общежитии рабочих Сталинского хим.-азотного завода, в доме № 5, нет ни столов, ни умывальников, ни электролампочек. Главное, нет колодцев с питьевой водой. А рабочих набито, как сельдей в бочке.

Селедка — ей ничего не нужно. Знай, сиди в бочке, пока тебя не съедят. Рабочие — дело другое: посидят, посидят таким манером, а потом возьмут и съедят... своего директора.

ПЕРЕСТАРАЛСЯ.

Из протокола собрания сотрудников Госшвеймашинны.

- | | |
|--|---|
| Слушали: | Постановили: |
| 1. После доклада вносится предложение спеть Интернационал. | 1. Предложение принимается. Все встают и поют Интернационал. |
| 2. Товарищ Косов предлагает сняться. | 2. Товарищ Мирошников снимает всех посредством вспышки магния. |
| 3. Объявляется перерыв, а затем начинается чаепитие. | 3. В период чаепития все время члены РКП (б), РЛКСМ и часть беспартийных поют революционные народные песни. |

Нехороший там, видно, секретарь. Даже чаю не дал попить членам РКП (б), РЛКСМ и беспартийным, а также протокол неполный. Почему не зафиксировано:

- | | |
|---------------------|--|
| Слушали: | Постановили: |
| Разойтись по домам. | Разойтись посредством собственных революционных ног. |

БЕЗГОЛОВАЯ РЕВКОМИССИЯ.

В гор. Белебее, на союзной делегатской конференции торговослужащих, должен был состояться доклад ревкомиссии, но ни один член ревкомиссии на конференцию не явился.

— Милый, добрый «Крокодил», — просят белебеевцы, — ткни своими острыми вилами в бок членов ревкомиссии.

В бок «Крокодил» согласен. Это для него — пара пустяков, а вот в голову — и не просите. Потому — нет таковых у членов вашей ревкомиссии.

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ.

Ничего себе — документик.

Расписка.

Я, нижеподписавшаяся, живущая в пос. «Аксаково», Степанида Жилочкина, дала настоящую расписку Белебеевскому ВИК в том, что сего числа получила от него в уплату за работу по изготовлению для ВИК портретов Ленина и Калинина 18 рублей золотом, в том и подписываюсь: гр. пос. «Аксаково» Степанида Жилочкина, неграмотная, а за нее, по ее просьбе, расписался Д. Максимов.

Здорово! Неграмотная, — а поди-ж ты! Портреты вождей рисует.

Следовало бы портреты эти вместе с «художницей» в музей Революции из Белебея вытребовать.

И чего только Наркомпрос смотрит!

«КРОКОДИЛ» СОБЛАЗНИЛСЯ.

В г. Ленинске, у РИК денег на культурно-просветительные нужды нет. Жалованье секретарям сократили с 17 до 15 руб., а переведенному из села Тонки председателю, тов. Болтовскому, РИК уплатил 250 руб. подемных и купил ему за 90 руб. обстановку.

Хорошие подемные платит РИК, даже «Крокодилу» захотелось «проехаться» на его счет.

ОДИН ИЗ ВИДОВ СМЫЧКИ.

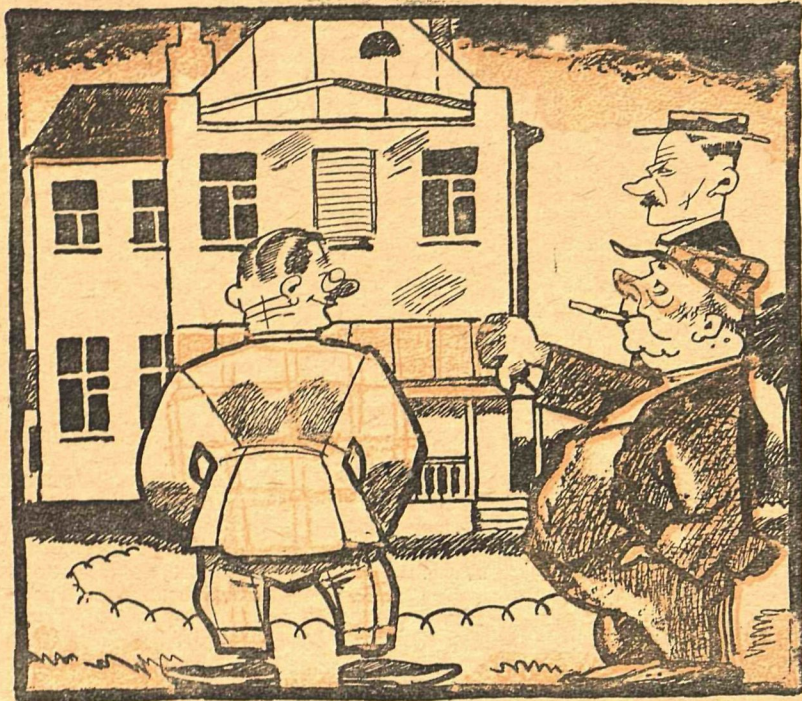
Техн. директор Сталинского хим.-азотного завода, в Донбассе, заказал крестьянам села ст. Михайловка, привезти за 12 верст огнеупорной глины и песку, договорившись с ними о цене. Когда крестьяне, привезя заказанное, пошли к директору завода Стрекунову с просьбой подписать счет, уже заверенный завхозом, директор отказался уплатить и выгнал крестьян, пригрозив еще отправить их в ГПУ.

Испугались мужички, дали стрекача от Стрекунова, что есть духу. А гораздо лучше было бы, если бы Стрекунов дал стрекача от завода. Да подалее!

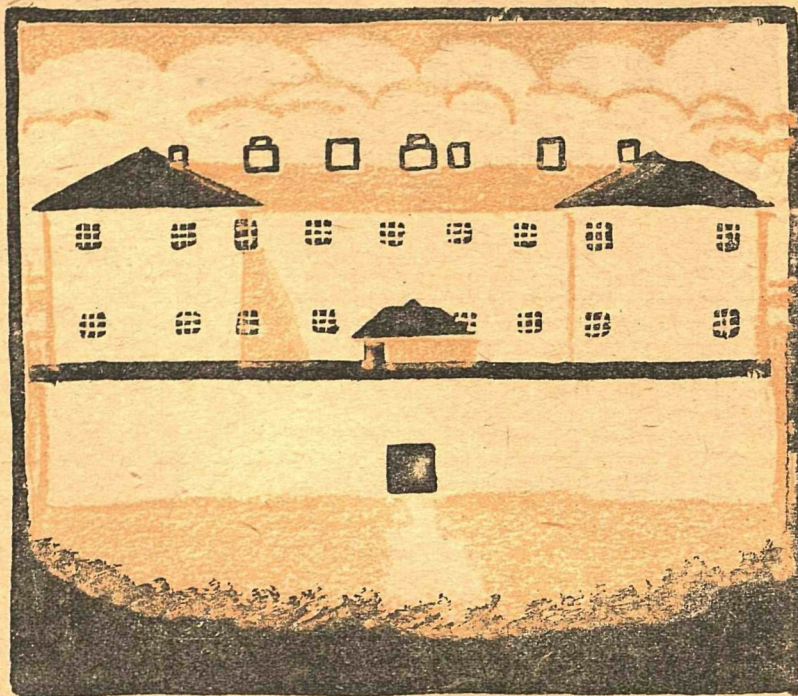
КРЕПКО ЗАСЕЛ.

На Егорьевской механо-ткацкой фабрике (Московской губ.) «Победа Пролетариата» до сих пор на здании красуется выложенная кирпичем фамилия бывшего владельца «Н. М. Бардыгин». Рабочие писали об этом в местной газете, но толку никакого не вышло.

Видно, крепко засел «Н. М. Бардыгин» не только на доме, но и в чьих-то головах. Нужно поскорей выселить его как отсюда, так и оттуда.



Когда Семен Иванович Переплеткин—предзавком выстроил себе дом, то приглашенные гости ахали и завидовали: — Ах, какой замечательный, исправный дом!



Но никто вскоре Семену Ивановичу Переплеткину не завидовал и не ахал: — Какой замечательный исправдом!

ДЕЛОВОЙ.

Деловой парень—мастер гвоздильного цеха завода «Красная Этна», конрайона, Нижегородской губернии—Карасев.

Заказ главной конторе № 10/1

Какому цеху—строительному
Наряд № 192

Описание работ: насадить железную лопатку.
(подпись).

Четыре минуты понадобилось на выполнение наряда, а на формальности ушло 3 часа. Хорошо еще, что строительный цех находится в 100 саженьях.

А, наверное, все-таки, недоволен будет Карасев: послал за лопаткой, а получил вилу.

Я—НЕ Я.

Управляющий Исовским платиновым округом, тов. Прохоров, остановил ремонт рабочих квартир для сокращения накладных расходов. Одновременно он купил за счет учреждения всевозможную мягкую и венскую мебель для своей квартиры, а также скатерти и сервизы — всего на сумму до 1.500 рублей. Когда парткомиссия начала выяснять это дело, Прохоров передал все купленное в другие квартиры, а комиссия показал ломанные табуреты и стулья. Между тем, имеются документы, подписанные самим Прохоровым, о том, что эти вещи им приняты.

Как говорится, я—не я, и кобыла не моя. Прохоров сейчас все отрицает. Может быть, вплоть до того, что он управляющий округом. Если так, то мы были бы рады ему поверить.

ПРОТИВОАЛКОГОЛЬНОЕ.

В городе Подольске есть несколько пивных, и около каждой из них на улице, форменная уборная. Особенно отличается трактир Тенцева, по Серпуховской улице. Жители города проходят мимо пивных с заткнутыми носами.

Молодцы, трактирщицы! Они показывают пример ведения антиалкогольной кампании. При этом запахе самый завзятый пьяница не подойдет к пивной ближе, чем за версту. Виноваты,— за километр.

ГОРЯЧАЯ КОМПАНИЯ.

На фабрике «Красный Восток», в городе Зарайске, Рязанской губ., секретарь фабкома — сын священника, его помощник — быв. офицер, секретарь кассы взаимопомощи—сын церковного регента и однажды уже сидел на крокодильских вилах (в № 17). Средства в кассе взаимопомощи распределяются по знакомству. Фабком не может никак провести кампанию по борьбе с туберкулезом.

Какие уж тут кампании проводить, если компания собралась больно теплая. Не проводить эту кампанию нужно, а выпроводить.

ЧТО-ТО НЕ ТОГО.

В № 122 тульской газеты «Коммунар» читаем:

... «Тех женщин, которые отказывают мужчине в его домоганиях, если тут замешаны коммунисты, ГКК привлекает их к партийной и судебной ответственности, если не за факт полового сношения, то за попытку к нему...» и т. д.

Мы привлекаем редакцию «Коммунара» к лит. ответственности, если не за факт явной безграмотности, то за попытку к ней.

ВОЖДЬ БЮРОКРАТОВ.

В городе Орехове, Запорожского округа, Екатеринославской губ., зав. райземуправлением Лубинец порвал на мелкие кусочки справки по техническим вопросам, которые выдавал селянам без всякой волокиты деловод земуправления. «Без меня никаких справок!» Тот же Лубинец созвал собрание селян, а сам не явился; они его тщетно прождали целый вечер.

Лубинцу, наверное, стыдно стало за свое бюрократическое поведение. Не может больше селянам в глаза смотреть. Вот он и повернулся лицом от деревни.

К СТРОИТЕЛЬНОМУ СЕЗОНУ.

Вопрос: Допустимо-ли, чтоб партиец Николай Царьков, проживающий в Москве, по Большой Тульской, д. № 51, кв. 2, загибал бы двадцатипятиэтажные маты?

Ответ: Несмотря на жилищный кризис, такие небоскребы нежелательны.

В ДЕРЕВЕНСКОЙ ЯЧЕЙКЕ.

Бобровская ячейка, Чембарского у., Пензенской г., на собрании говорит о Сун-Ят-Сене. Крестьяне собраний не посещают и не уважают партийцев за замкнутость.
(„Правда“).

Есть у нас село «Уклейка»,
В той «Уклейке» есть ячейка,
У ячейки масса рвенья,
А от рвенья — словопренья.
Помянули Сун-Ят-Сена,
Поругали Чемберлена,
Обсудивши «ультиматум»,
Болдуина крыли матом,
О Куллидже говорили,
Пенлеве не похвалили,
С Муссолини не стеснялись,
Гинденбургом обругались...
Всем Европам в той «Уклейке»
Нагорело от ячейки.

Об одном не говорили,
Что коровы тонут в иле,
Что про выпас, про покосы
Не улажены вопросы,
Что кулак Фома Егоров
Раздобыл, как добрый боров,
Что кулак Фома Егоров
Потому о том молчали,
Что дела села «Уклейки»
Не касаемы ячейки.

И, бродя на скользких тропах,
В толк не может взять «Уклейка»,
При каких таких Европах
Обретається ячейка?..

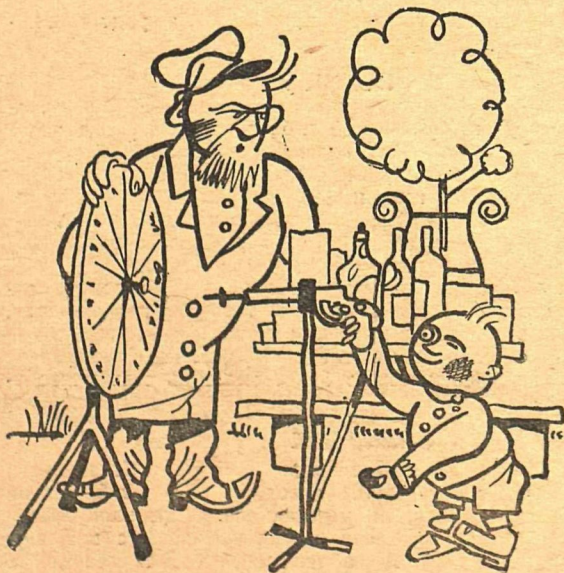
М. Андр.

ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ.

Жалуются «Крокодилу» красноармейцы 5-го Донполка войск ОГПУ:

«В нашем дворе живет председатель окрместхоза тов. Пархоменко. С 25-го декабря 1924 года каждый вечер у него в доме пьянка. А вот, 9-го июня Пархоменко, проходя по Греческой улице, в 4 часа утра, кидал бутылками, наполненными напитками, но мы не знаем, в собак или просто громил тротуар».

Безусловно, громил тротуар. Хотел Пархоменко до земли докопаться и расспросить ее, подлю, — как она его до сих пор носит. А вот, что бутылки «были наполнены напитками», это уж бесхозяйственность. Стыдно: председатель окрместхоза, с 24-го декабря пьет, а не знает, что самое ценное в бутылке—это ее содержимое. Небось, теперь, как рассказали, и сам покалечит.



На Бульваре.

НЕ ВЫДЕРЖАЛ.

Их было трое. Три дамы, одетые одна роскошнее другой, одна безвкусней другой. Немолодые, полные, пахнущие крепкими духами с едкой примесью пота. Одна выбирала, а две другие сидели, развалившись на стульях, подавая на перебой свои критические замечания:

— Нет, Дорочка! И думать не смей брать этот креп-де-шин. Фанни Абрамовна сделала себе точь-в-точь такое платье—и получилось ужасно. Просто ужасно. Попроси показать еще что-нибудь.

— А как тебе нравится вот это?

— Это? Ничего... Только, знаешь, чего-то в нем не хватает. Я даже сама не знаю, чего. Выглядит он как-то так... Как будто и то, и не то... Посмотри еще что-нибудь...

Приказчик большого мануфактурного магазина Вертунов в десятый раз отирал пот со лба, откидывая намокшие пряди волос. На прилавке были накинаны целые пирамиды всевозможных материй. Тут были и тяжелые ткани, и легкий тюль, и атлас для подкладки, и шелк, и полотно. Дамы не спешили: в их распоряжении было еще полчаса до обеда. Просмотревши весь ассортимент материй на костюм, они перешли к шелку, вдруг попросили показать полотно и снова вернулись к костюмным материям.

Вертунов, как обезьяна, лазал по лесенке, прыгал, бегал, извинялся. Ныли мускулы рук от раскидыванья тяжелых кусков и ломило щеки от дежурной вежливой улыбочки.

— Вот, посмотрите это. Замечательный материал. Последний крик де-ла-мод. Все берут.

— Дорочка! Пожалуйста, не думай этого брать. Раз все берут — значит, гадость,—звучал неторопливый голос со стула.

И вновь Вертунов доставал кусок за куском.

По летнему времени—торговля шла туго. Только вчера было общее собрание продавцов, и заведующий говорил, что нужно усилить внимание к покупателям, нужно научиться торговать не хуже прежних частных фирм. Вертунов, вместе с двумя другими, получил выговор с предупреждением за неумелое обращение с покупателями. И теперь он старался во-всю. Задыхаясь от запаха противных духов, пропуская мимо ушей ядовитые замечания о «приказчиьем вкусе», забывая про свой большой зуб и про то, что сегодня нужно платить за электричество и за квартиру, — он расплывался в лепешку, — весь сосредоточившись на одной задаче:

— Продать.

Лишь изредка, подымая глаза, видел он тупые, улыбающиеся спокойные лица покупательниц, и тогда на миг в душе его вспыхивала дикая, желчная злоба. Но он тут же брал себя в руки, и глаза, усталые от сотен узоров,—вновь опускались вниз.

— Может быть, мадам посмотрит что-нибудь вот из этого сорта. Изумительная ткань. Роскошная. Типа заграничных.

Ленивые руки нехотя щупали материю, и Вертунов слышал отчетливый полусшепот:

— Скажи ему, Дорочка, пусть эту за границу носит его жена!

Груды кусков на прилавке все росли и росли. Вертунов чувствовал, как пересыхает у него во рту и в глазах начинают танцевать красные и зеленые круги. Руки дрожали, и лица покупательниц начинали расплываться в ехидные, улыбающиеся хари.

Покупательница обернулась к своим экспертам:

— Зря только время потеряли. Смотрите, какую гору накидал, — а выбрать нечего...

И вдруг ее скучающие, равнодушные глаза, обжевавши весь магазин, остановились на самой верхней полке, откуда ярким, зеленоватым цветом гляделся кусок какой-то материи.

— Скажите, а вот это, вверху... Это что у вас там?

— Это—креп-де-шин. Я вам уже показывал. Это точь-в-точь такой же.

— Нет, это светлей. Мусенька, поглядите,—правда, этот светлей?

— Конечно. Это—совсем другой тон!

Вертунов в последний раз попробовал выдать из себя вежливую улыбочку:

— Уверю вас, мадам...

— А я вас, все-таки, попрошу достать.

— Я, конечно, могу, но заранее вам говорю.

— Слушайте—нам некогда. Или доставайте, или...

Вертунов сжал кулаки, прикусил губу и вихрем кинулся вверх по лестнице. Лестница оказалась коротка. Вертунов, ухватившись одной рукой за полку, повис в воздухе, стараясь дотянуться другой рукой до заветной зелени креп-де-шина. Уже пальцы его нащупали кусок, уже он дернул кусок за краешок.

И вдруг—рука ослабла, и Вертунов полетел вниз, увлекая за собой лестницу и пирамиды кусков.

Дамы взвизгнули.

Но им пришлось завизжать еще больше, когда из-за прилавка поднялась фигура с горящими глазами и разбитым носом, и в бешенстве принялась штурмовать их тяжелыми кусками:

— К чорту!—кричал Вертунов.—Нэп—нэпом, а издеваться я не позволю! Подавайте суд, в профсоюз! В милицию! Опять народилась, буржуйки толстозадые! Вот вам! Вот Вот!

Вас. Лебедев-Кумач.

РАЗНЫЕ АРШИНЫ.

Министр финансов сидел в своем кабинете и озабоченно покрывал цифрами листки блок-нота. Секретарь подал ему две визитных карточки.

— Они просят интервью. Один от северо-американского телеграфного агентства, а другой—от какой-то московской газеты.

Министр повертел карточки в руках, посмотрел на адрес, и, быстро спрятав листки с цифрами, попросил:

— Пусть сначала пройдет этот «Эссесер».

— Я хотел бы задать несколько вопросов по поводу долгов?

«Скажите, пожалуйста, — «вопросы!».—Денежки на стол и никаких вопросов!»—подумал сердито министр и любезно ответил:

— Пожалуйста.

— Что вы думаете об их уплате?

— Что ж тут думать?—пробурчал сердито министр.—Надо платить!

А вы этого не думаете?

Блондин приятно улыбнулся.

— Что вы! Я совершенно убежден, что надо. Но когда?

«Ишь, куда гнет—когда?!»—насторожился министр.

— Да, что же,—улыбнулся он,—чем скорее, тем лучше.

Улыбка удовольствия еще шире засияла на лице корреспондента, и он заметил:

— Совершенно правильная мысль!

«Очень, в сущности, милый субъект,—мелькнуло в министерской голове,—чего только он радуется?».

Блондин записал что-то в книжечку и осторожно продолжал:

— А как вы относитесь к проектам об уменьшении суммы долга?

— Крайне нежелательно!—резко и сухо оборвал министр.—Аккуратность в уплате долгов—основа государственного кредита.

Лицо собеседника так засияло, что стало светлее в кабинете.

«Нет, он-то какого чорта радуется!»—опять с тревогой подумал министр, следя за быстрыми движениями вечного пера.

— Еще несколько вопросов. Говорят, все-таки, что для страны, перенесшей такие ужасы войны и вражеского нашествия, понесшей такие огромные жертвы людьми, слишком трудно заплатить долги полностью.

«Эге! Вон ты куда удочку закидываешь»,—насторожился министр и ответил с самой добродушной усмешкой:

— Ну, знаете, богатая страна всегда найдет, чем расплатиться.

— Я могу прямо написать, что это ваше мнение?—спросил блондин сияя.

Голос министра стал строг и внушителен.

— Нет! Это не мое мнение! Это мнение всей страны... Так думают все честные собственники... вся Франция! Я говорю от имени целой Франции.

Корреспондент откланялся и вышел. Даже толстый бритый затылок его, казалось, улыбался от удовольствия.

«Чего этот прохвост так доволен?»—с неприятным недоумением подумал министр и сказал появившемуся секретарю:

— Пожалуйста, следующего просите, американца.

Вошел худощавый брюнет.

— Я к вам по вопросу о долгах,—начал он.

— К вашим услугам. Но я ничего определенного сказать не могу... Вы знаете, как этот вопрос сложен. Финансовое положение...

— Вот и я говорю,—финансовое положение... Да и нельзя же, согласитесь, серьезно рассчитывать на уплату всех довоенных долгов....

— Конечно!—ответил министр, широко открывая глаза, странно холодея и чувствуя неопределенное смущение.

— Разумеется, при условии, что мы получим заем, можно говорить о частичном возмещении...

— Получите?—переспросил министр бледнея.—Заем?..

— Именно!

— Вы—заем?! От нас? Такая богатая страна... Да зачем вам заем!..

— Для развития производительных сил Союза ССР.

— Ка-ак? Сил СССР!... Вы от СССР?..

— Ну, да, конечно. Моя фамилия....

Но министр не услышал фамилии. Он судорожно нажал на кнопку звонка, встал навстречу секретарю, снова опустился в кресло и прохрипел, хватаясь за тесный воротник:

— Остановите его!.. Задержите американца. Здесь недоразумение! Я перепутал... Я думал, что он большевик... Франция никогда не заплатит своих долгов!.. Честные собственники не хотят платить...

Худощавый брюнет спокойно достал вечное перо и что-то не спеша записал в блок-нот.

С к и ф.

Рис. К. Р.

ТОСКА ПО РОДИНЕ.

В далеком сибирском городе Татарске проведен водопровод.



ВЫСЛАННЫЙ СПЕКУЛЯНТ:—Милый! Окати меня хоть разок! Дай Москву вспомнить...



— Почему у вас на кофе не написано, что оно у вас тоже липовое? Я вчера его пробовал.

„ДАЕШЬ МОСКВУ“.

Неточка Легкомысленная, девица губернская и актриса «на вторых ролях», ежели можно так выразиться о Неточке, вносящей бессловесно во время действия самовар на сцену, — Неточка Легкомысленная утратила однажды вкус к провинциальной сцене. Неточка так рассуждала:

— Разве у нас, в захолустной губернии театры? Разве у нас сцена? Разве наших актеров можно назвать актерами? И разве здесь может гореть священный огонь искусства, если каждую минуту тухнет электричество... Нет!.. довольно прозябать в этой жалкой провинциальной дыре. Туда—в Москву, в Москву, в Москву!—как говорили «Три сестры» по Чехову, которым я, помнится, в котором-то акте подавала самовар. Туда—в Москву, где—Художественный театр, где большой, малый и средний театры, где площади театральные и проезды художественные. Туда—где»...

Через неделю после подобных рассуждений Неточка Легкомысленная, актриса, подающая не столько надежды, сколько самовары, — вступила на московскую землю с Ярославского вокзала...

Мишка Незванов — трудовой сын нетрудовых родителей, питомец второй ступени уездной трудшколы, однажды задумался:

— «До окончания ступеней мне еще годика два трубить, а потом только, после всего, — в Москву на высшее учение определяться, то не опередить ли мне события, не двинуть ли мне в Москву на предмет поступления в... Моссельпром? А почему? Очень просто: все студенты в Москве—моссельпромщики, и обратно, значит: все моссельпромщики—студенты... Даешь, поэтому, Москву!..»

И, запасшись лотком, Мишка Незванов, будущий студент первого курса Моссельпрома, покатил в Москву.

Семен Тупонос, юноша не столь грамотный, сколько талантливый в смысле рифмы, автор четырехстишия:

«Рассекается о скалы
Водопад из серебра
В честь красной армии нашей алой
Ура, ура, ура и ура...»

Семен Тупонос, лирический мужчина, кормитель и поитель престарелой бабушки, папаша с мамашей и недозрелого пятка братишек с сестренками — Семен Тупонос спешно, в поисках «поэтического счастья», выехал в Москву, где плененный его рифмой журнал «Голоса текстильщиков» принял Семена Тупоносова на работу по сбору объявлений для журнала. Опьяненный успехом, Тупонос выписал срочно семью в Москву, и обильное семейство Тупоносовых, переезжая в красную столицу, к гениальному своему кормильцу Семену, дало торжественное обещание трем соседним семьям:

— В ближайшее время перетащить всех в Москву!

Яков Хорошанский, рыжий человек, художественная профессия которого заключалась в том, что он скупал на толкучке запыленную мазию неизвестных художников, выводил в правом углу картины собственноручную подпись знаменитых художников Рафаэля, Леонардо-да-Винчи и Рубенса и сбывал эти знаменитые «оригиналы» за солидную цену людям, имеющим большую тягу к искусствам,—рыжий «реставратор» Яков Хорошанский заскучал:

— Что мне деньги и что мне доходы, когда для души своей я ничего не получаю. Для моей эстетичной души надо чего-то больше, чем порванная картина в нашем паршивом кинотеатре. А, может быть, я за свои деньги хочу послушать лекцию о «запросах души», а, может, я обожаю оперетку, а, может, мне хочется за свои же деньги помываться в настоящих мраморных банях и кушать филипповские булочки с чичикиным маслом... Так даешь же Москву, и никаких больше разговоров!

В скором времени московские обладатели длинных ушей покупали у рыжего Хорошанского запыленную дрянь за свеженькой подписью: «Рафаэль».

Ночной взломщик Иван Держиево махнул рукой на заштатный городишко, где третий год оперировал под покровом ночи.

— Тьма, мрак, невежество! А в мене душа тонкая, к свету рвется, к культурности то же самое. И даешь, поэтому, Москву, бо по части свету—там можно днем работать, а в смысле культурности и там, скажем, электричества, то в трамваях работа — самое первейшее дело...

И в тот же вечер, выкрад в пассажирской кассе проездной билет, ночной взломщик Держиево покатил в Москву на дневные гастроли.

— Москва—она с испокон веку щедрая!—размышлял хрипло местечковый нищий Клюква,—в Москве уже кто не подаст, тот не подаст, а уж кто даст... Эх, даешь Москву, даешь ее, матушку, даешь ее, сердечную, краснокаменную!..

Л. Митницкий.

ПЕЧАЛЬНЫЕ УЛЫБКИ.

1. ПРИВЫЧКА

Бухгалтер знакомый большое вынес несчастье: сразу от тифа умерли трое: жена и двое детей. Остался бухгалтер вдовцом, бобылем, а был счастливым отцом семейства.

Вскоре после несчастья встретил его я на службе. Жалкий, худой, поседевший, согнутый—он чуть поднял мне навстречу лицо и губы скривил на подобье улыбочки:

— Здравствуйте... Да... изменился... Еще бы! Сразу все беды на эту вот голову рухнули. Вы понимаете—заболеет жена (косточку кинул на счетах), потом сын (снова косточка) потом дочь (косточка снова). И трое, все трое—умерли (все три косточки скинул со счетов). В месяц какой-нибудь остался я один, понимаете вы—совершенно один!

И палец костлявый бросил на счетах одну, совершенно одну, одинокую косточку...

2. СДЕЛЬНО.

В шахте случился обвал. Огромная глыба сорвалась и придавила рабочих. Не знали—живы они или погибли под глыбой. На поверхности—засуетились: крепили для спуска клеть, бежали в поселок за помощью, готовили кайла, носилки.

И только один поверхностный грузчик спокойно сидел на краю вагонетки, куря цыгарку и смачно плюя.

— Эй, Федорчук, какого ты черта! Иди, помогай! Грузчик вскинул глаза.

— Я работаю—сдельно. Зовите поденных...

Вас. Лебедев-Кумач

В ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОМ МАГАЗИНЕ.

НЭПМАН: — Дайте мне 10 метров провода.

ПРОДАВЕЦ: — Прикажете, с изоляцией или без? ..

НЭПМАН: — Что? Опять с изоляцией?! Спасибо! Я с этой изоляцией 3 года в Бутырках просидел!

М. Г.

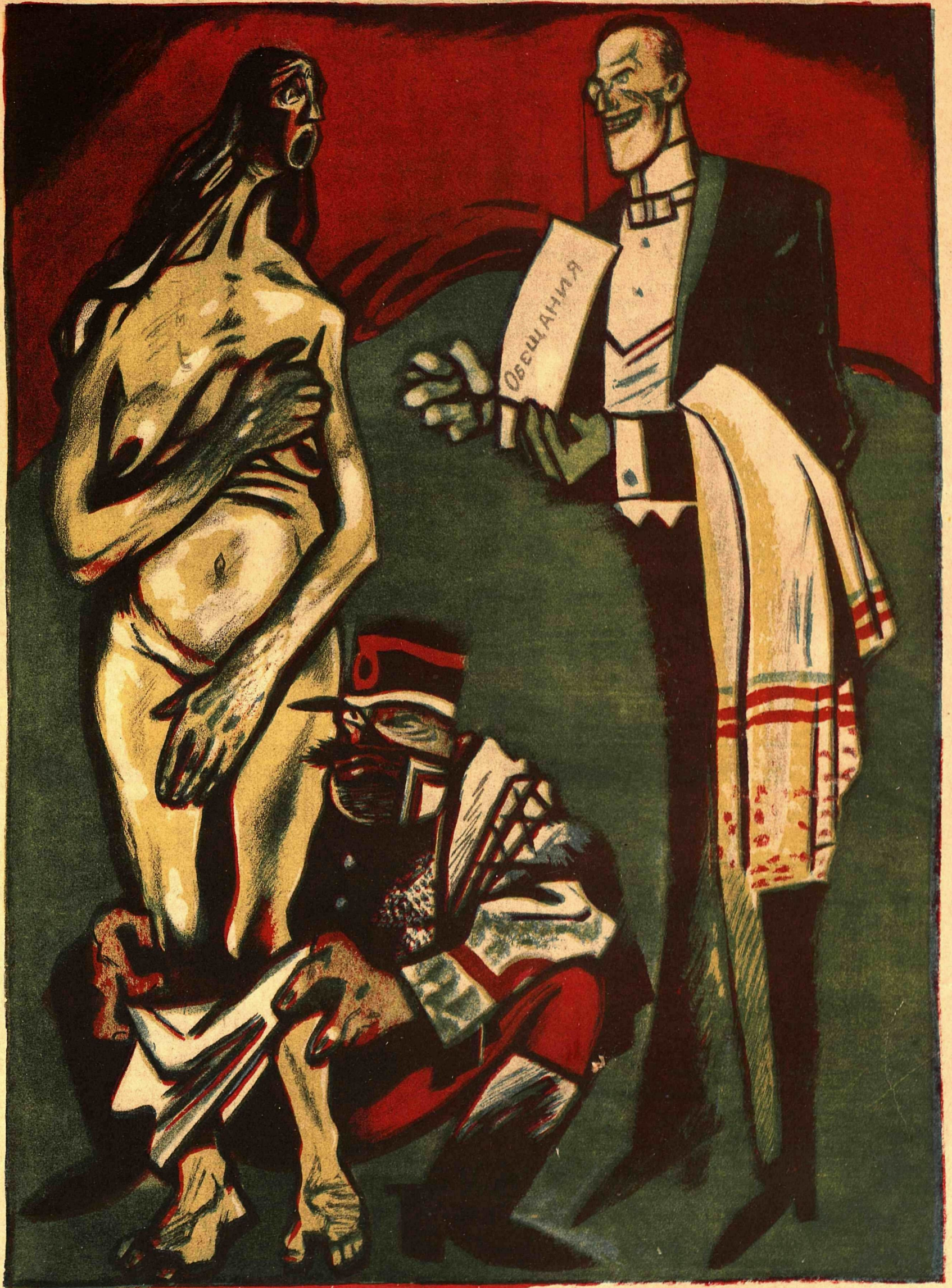
НА УЛИЦЕ.

— Вы, гражданин, чего ищете?

ПЬЯНЫЙ: — Да ч...чорт его знает, с...случай какой! Н...на...пился и... облик человеческий п...потерял! И в...вот — никак не... найду!

М. Г.

Рис. Ю. Ганфа.



ГЕРМАНИЯ:—Господи, вы хоть бы фиговый листик мне оставили...
ЧЕМБЕРЛЕН:—Этого мы не можем. Вот вам листик, а фига отдельно.

НАШ ПАНОПТИКУМ



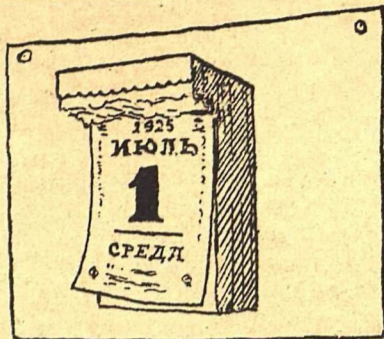
УСТОЙЧИВЫЙ КАРТУЗ

(Завод «Красная Этна», Нижегород. губ.).

Это картуз главного инженера Радбеля. Картуз этот майского фасона, с белым чехлом, почему владелец обращается с ним крайне осторожно: руками не трогает, под стол не кладет, а на приветствия рабочих не только его не снимает, но даже не наклоняет.

Хор-рошо воспитанный картуз!

А. Бердников.



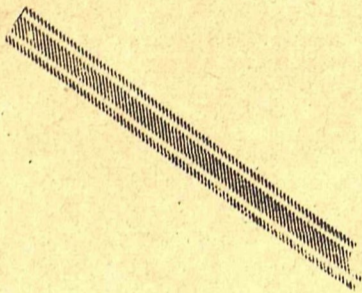
ОБЕЩАННОГО ШЕСТЬ ЛЕТ ЖДУТ.

(Таганрогская организация РЛКСМ).

Пол-календаря оборвали комсомольцы, ожидая обещанного сборника «Шесть лет Таг. Орг. РЛКСМ». Подписка была собрана в январе, издание обещано выпустить в феврале, а тут — нате..

Нет, видно, раз «шесть лет» — значит, и ждать шесть лет.

А. Сталин.



ЛЮБИТЕЛЬ ВЕЛОСИПЕДНОЙ ЕЗДЫ.

(Парское ЕПО, Родниковского у., Ив.-Вознесенской губ.).

Такой след остается на дороге, когда председатель ЕПО А. А. Баранов проезжает на новом велосипеде из дому на службу и обратно. Отчего же не покатайся? Велосипед куплен из кооперативных сумм; две версты туда, да две назад — глядишь, и почет, и удовольствие.

Тов. Баранов! Ежели доведется тебе проезжать мимо лавки — загляни туда. У тебя там нехватка товару на триста рублей.

Без подписи.



НЕПОСИЛЬНАЯ ЗАДАЧА.

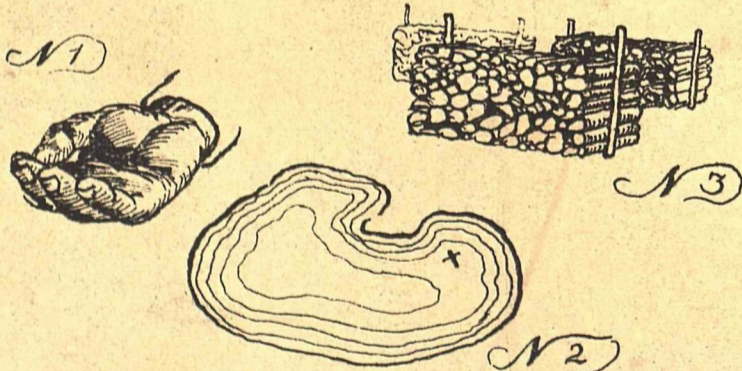
(Гор. Грозный, старый поселок группы Коминтерна).

Пишет рабкор М. И. В., что рабочим нефтепромыслов днем стдыха нет от работы, а ночью — от клопов, блох и тараканов. Просит у «Крокодила» помощи..

Положение безвыходное. Если администрация не может придумать ничего (а, ведь, не может!), то где уж «Крокодилу»? Инструкцию им, что-ли, какую написать, клопам? Или объявить поголовное сокращение штатов с выдачей выходного пособия?

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция „Паноптикума“ ждет от вас материалов и сообщений для нашего отдела.



ДЕЛОВОЙ МУЖЧИНА.

(Гор. Джаркент, Джетысуйской губ.).

Расступись, народ! Речь идет о квалифицированном жулике: лесничем Козлове.

Экспонат № 1. Рука, в которую Козлов получил подряд на поставку водному округу леса для постройки арыков. Этой же рукой подряд передан частным лицам. Рука грязновата малость... Да, что делать, — и дело не совсем чистое.

Экспонат № 2. Карта озера, в котором Козлов «случайно» утопил казенные деньги, ездивши на охоту. И повезло же человеку. Удалось с'ездить на охоту как раз перед самой ревизией! Деньги были, наверно, золотые, потому что сразу пошли ко дну.

Экспонат № 3. Дрова, которые лесничий Козлов продает кому угодно за наличный расчет. «Крокодил» знает еще один такой случай: поставили козла огород стеречь; а после все удивлялись, — откуда у козла капуста?

Гнать надо таких... Козлов.



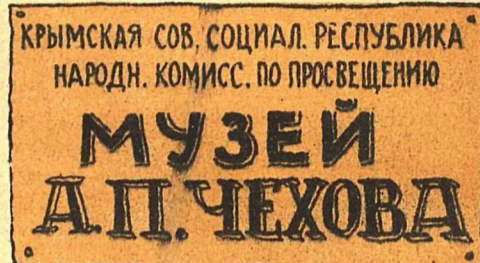
АВГУСТЕЙШАЯ ЯЧЕЙКА.

(Крым, дер. Деренкой, близ Ялты).

Ячейка РЛКСМ помещается в избе-читальне, о чем есть полувершиковая надпись на дверях. А над дверьми — саженное: «Школа выстроена в память 300-летия царствования дома Романовых». Золотыми буквами.

Говорят, ячейке двуглавого орла к вывеске нехватает. Так вот, преподносим парочку. При соедините к надписи, а затем вместе выкиньте.

Рабкор А.



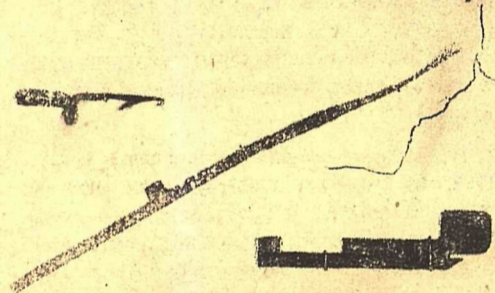
ЕЩЕ О КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

(Крымская ССР, г. Ялта).

Именно такой надписи не имеется на доме Чехова, где музей. Зато на той же улице — церковь и белая, и красная, такой лоск наводят, что просто шик. А на Массандровской улице, у церкви, на заборе, так прямо вывеска: «Вход в церковь».

Да... Перещеголяли попы Наркомпрос.

Рабкор А.



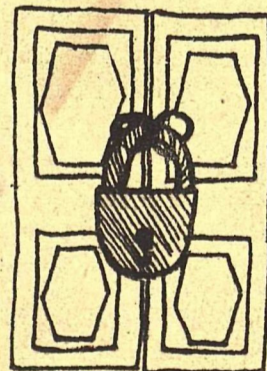
ЩЕДРЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННИКИ.

(Сталинград, чулочная ф-ка им. Крупской).

Вы говорите, экономия? Чушь. Бережливость? Вздор. При сем прилагаются пластинки от тарелок станка и иголки, которыми вымошен двор фабрики. Администрация полагает, что подбирать валяющиеся части — дороже, чем бросать.

Ох, милые, ошибаетесь! Как бы вам дешева дороже не обошлась!

Крокор Жало.



КООПЕРАТИВНАЯ ПРОПАГАНДА.

(Яковлевское ЕПО, Шуйского у., Ив.-Вознес. губ.).

Замок, на который всегда бывает заперто ЕПО. Приезжие крестьяне-покупатели любуются на этот замок и уезжают обратно, вполне довольные его наружностью.

Одним словом, быть кому-то под замком.

В. Ф. Н.

НАУКА И ПРЕДРАССУДКИ.

В ожидании поезда на полустанке разговорились мы с Трофимычем.

— Как, Трофимыч, — спросил я его, — шибко изменилась жизнь за последнее время? Гляди! Поле-то трактором пахнут!

— Трактором, батюшка, что и говорить, — ответил Трофимыч, но лицо его при этом не выразило никакого удовольствия. Мы, вот, бывалыча—сощкой...

— Что-ж лучше-то, Трофимыч? А? Все наука, брат...

— Ученым виднее, — проговорил Трофимыч уклончиво. — Однако же, деды и без науки, слава-те господи, жили—не тужили...

— Да, ведь, как жили-то, Трофимыч?

— А как жили? Хорошо жили... Что твоя наука? Вот агроном наш, Савелий Аркадьевич, шибко ученый был человек, царствие ему небесное. Бывалыча, как насыдет саранча на поле, сейчас он спросит: — «Что думаешь, Трофимыч, делать?» — «Что делать, родимый? Божья воля... Молебн думаю...» — «Э, говорит, брось! Саранча, говорит, святого слова не боится! Саранча, говорит, прысканье любит. Допусти, говорит, меня, я тебе разделаю за милую душу...» — «Покорно, говорю, благодарим, Савелий Аркадьич. Много вашей милости обязаны. Но как мы к попу привычны, то уж не обессудьте». И, действительно, выйдет, это, поп в поле, и все чин-чином, и об изобилии плодов земных, и о том, значит, чтобы уродилось...

— Ну, и что же? Урожалось?

— Урожалось, милый! Куды, сколько урожалось! Всю, бывалыча поедят...

— То-есть, как, дед, поедят? Значит, немного хлеба урожалось, коли весь с'едали?

— Хлеба-то? Хлеба немного. Да я про саранчу, касатик! Шибко, говорю, саранча урожалась... Весь хлеб, бывалыча, пожрет!

Помолчали.

— А то, вот, у старухи волос болеть начал. Самый корень, значит, тронулся, так что на подушку, и то головы не положишь. — «Запрыгай-ка, дед, — говорит Савелий Аркадьич, — Бурого. Не иначе, как надо старуху-то к доктору везти.» — «Так-то, оно, так, — говорю, — Савелий Аркадьевич, только к докторам больно мы непривычны. Вот Ермил-знахарь, тот, действительно, тот слово знает. И даже насчет собак... Ежели, которая воеет, моментально заговорит». И что же? Дал этот Ермилыч мазь и три зари всюю, значит, голову велел мазать.

— И мазала?

— А как же? Мазала!

— И что?

— А как рукой сняло! — сказал дед.

— Неужели поправились волосы-то?

— Волосы? Зачем поправиться? Говорю, как рукой сняло. Ни одного не осталось...

На лице у деда после того, как он сказал это, застыла старческая, любовная улыбка. Можно было подумать, что он вспомнил что-то самое приятное из того, что случилось в его жизни.

— В чем же дело? — подумал я, всматриваясь в его выцветшие глаза.— Поповская молитва оставляла его без хлеба, а знахарская мазь сделала его старуху лысой...

Почему он с удовольствием вспоминает эти способы избавления от бед?

Уже в вагоне я понял, что старикам кажется милым все, что случилось с ними в лучшую, более молодую пору их жизни. Они улыбаются иногда при воспоминании о крепостном праве только потому, что во время порки на конюшне были, молоды, сильны и хотели жить...

В. Авилов.

ПОВЕСТКА ГАЛОПОМ.

Перегружают повестку дня общих собраний и гонят собрание во-всю, не давая выступить в прениях по важным вопросам. (Правда*).

— Товарищи, объявляю собрание открытым. От имени ячейки предлагаю следующую повестку дня:

1. О производственных совещаниях.
2. О жилищном строительстве.
3. О культурработе.
4. О кооперации.
5. О шефстве над деревней Сметанкино.
6. О переходе на сдельную оплату.
7. О нагрузке отпускников заданими в отношении деревни.
8. О стенгазете.
9. О предстоящих выборах в завком.
10. О распределении мест в санаториях.
11. Об организации ячейки МОПР.
12. Об усилении работы по ликвидации безграмотности.
13. О слиянии ячеек Добролета и Доброхима.
14. Выборы делегации на районную конференцию.
15. Текущие дела.

Возражений не имеется? Принята единогласно. Слово по первому вопросу имеет товарищ Филе.

— В виду огромной повестки дня, я буду краток. Опыт показал, что работа производственных совещаний имеет большую ценность. Поэтому, а также согласно руководящих указаний партии и соввласти, я предлагаю собранию вынести пожелание, чтобы производственные совещания созывались не реже одного раза в месяц. Я кончил.

— Прошу соблюдать порядок. Кто имеет высказаться по поводу доклада? Товарищ Химкин, ваше слово.

— Товарищи, я полагал бы, что вопрос о производств...

— Ближе к делу. Что вы имеете возразить тов. Филе?

— Нет, я только хотел сказать...

— Товарищи, мне кажется, вопрос достаточно ясен! Товарищ Химкин, ваше слово кончилось. Кто еще желает? Вы? Пожалуйста.

— Мне кажется, что произ...

— Ваше слово кончилось. Кто за резолюцию, предложенную тов. Филе? Явное большинство. Зафиксируйте. Переходим к следующему пункту. Доклад о жилищном строительстве товарища Пупова.

— Я буду краток. Жилищное строительство, как таковое, необходимо в силу той нужды в жилищах, которая...

— Кто желает высказаться? Пожалуйста.

— Действительно, нужда...

— Вопрос ясен. Кто за резолюцию? Большинство. Фиксируйте. Третий пункт — кооперация. Товарищ Завихренко.

— Потребительская кооперация — краеугольный камень...

— Ясно. Кто по поводу камня? Пожалуйста.

— Факт, камень...

— Кто за? Фиксируйте. Четвертый пункт. Кузис.

— Усиление шефской работы...

— Фиксируйте. Следующий...

— О слиянии ячеек Добролета и Доброхима. Слили. Фиксируйте. О выборах делегации на районную конференцию. Фиксир... Текущие дела. Фиксируйте... Больше вопросов не имеется. Фиксируйте. Объявляю заседание закрытым. Фиксируйте... Уфф. Я же вам говорил, товарищ Буравчик, надо было больше вопросов ставить на повестку дня. Фиксируйте. А то ребят собрали—фиксируйте — а время не использовали Обидно. Фиксируйте.

— Извиняюсь. Больше повестку никак нельзя было. Извиняюсь: больше вопросов совсем не имеется. Все тут было. Извиняюсь,

В. Ардов.

Рис. Ю. Г.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ.

В Рогожско-Симон. районе на месте пивной открыта пошивочная мастерская. (Хроника)



— Мне бы парочку...

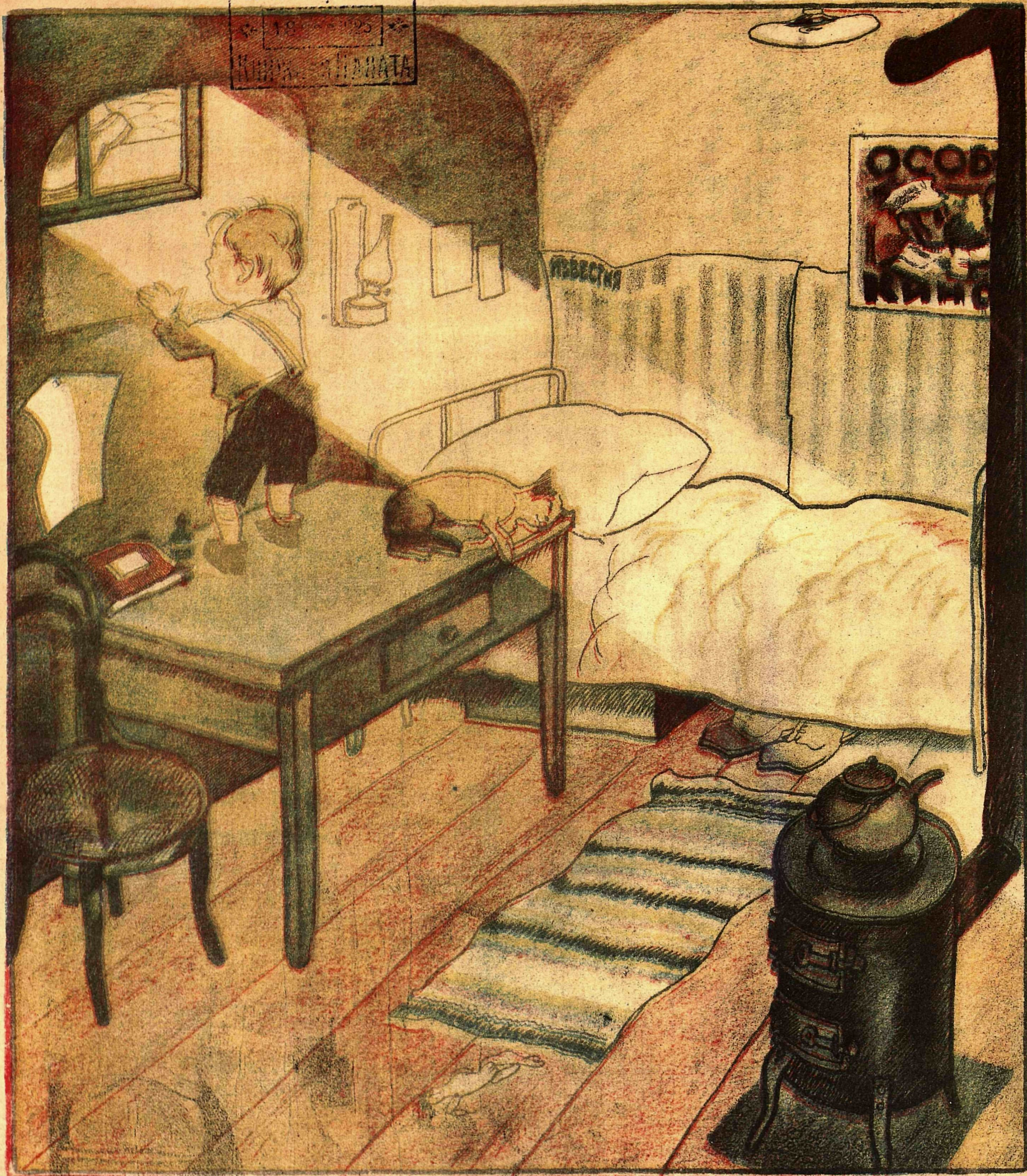
— Какую вам? светлую холщевую?

— Какой чорт холщевую! Темного бархатного и с горошком!

29

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КНИЖНО-ПРОДАВАТЕЛЬСКИЙ
МАГАЗИН

749



В восемь часов в оконце,
Быстро к закату спеша,
Застыли заходит солнце
Побаловать малыша.

Побудет и вновь уходит...
И снова — лампочку жги.
А улица ходит и ходит
И кажет в окно сапоги.

В. Лебедев.